

И.С. Кон

ГЕНДЕР И МАСКУЛИННОСТЬ, СЫНОВЬЯ И ОТЦЫ

В данной статье автор отвечает на вопросы «Что значит быть сыном?» и «Что значит быть отцом?». Он подчеркивает, что реальные практики воспитания должны быть индивидуализированы, а не исходить из ролевых стереотипов. Телесные наказания имеют, как правило, отрицательный воспитательный эффект.

Ключевые слова: *гендер, маскулинность, сыновья, отцы, наказания, стереотипы.*

Keywords: *gender, masculinity, fatherhood, sons, punishment, stereotypes.*

Октябрь 1917 г. в сексуальной, как и в других сферах общественной жизни, был попыткой насильственного уничтожения всей прежней нормативной культуры, гендерного порядка и системы брачно-семейных отношений. Эта революция выглядела чрезвычайно радикальной, вызывая ликование одних и ужас других. Но ее результаты оказались скорее консервативными: подавив и уничтожив слабые ростки сексуальной, как и всякой иной, свободы, большевики тем самым восстановили и усилили другую сторону традиционной русской жизни — внешний контроль и государственную регламентацию. Произошли обеднение и примитивизация и общественной, и личной жизни. Это надолго предопределило отсутствие научной дискуссии по интересующим нас проблемам.

И если в связи с ролевыми сдвигами женщин в современном обществе написано немало, то мужчинам, и, тем более, отцам и сыновьям, пока уделено гораздо меньше научного внимания. Как фактически формируются гендерные роли и от чего зависит их формирование во взаимоотношениях конкретных детей и их родителей в современных семьях, ученые явно

не знают, но это не мешает им твердо знать, каким должно быть семейное воспитание. При этом «единственно правильные» «универсальные» рекомендации зачастую основываются не на критическом обобщении реальных социально-педагогических практик, а на нормативных представлениях далеких времен, от которых современники были отнюдь не в восторге.

Начать придется с вопроса «Что значит быть сыном?» В религиозной литературе и словарях существует слово **«сыновство»** (нем. Sohnschaft, англ. sonship), образованное по принципу греческого «йотесия» («*hyiothesia*»), от йос («*hyios*») — сын и «*thesis*» — установление. В Новом завете это слово фигурирует в пяти местах (К римлянам 8:15, 8:23, 9:4, К галатам 4:5, К ефесянам 1:5). В русском каноническом переводе Библии оно переводится как «усыновление», но в православной богословской литературе часто фигурирует и «сыновство».

Сыновство — необходимое дополнение и коррелят отцовства. С этим статусом в религиозной литературе ассоциируется прежде всего повиновение, послушание и преданность отцу. Однако, в отличие от рабства, сыновство — не столько принадлежность, сколько *дар*, способность быть учеником, усваивать и реализовывать отцовские предначертания. Как и в понятии отцовства, на первый план выдвигается не физическое, кровное происхождение, а символическая, духовная близость, дающая сыну, независимо от его возраста, чувство защищенности и надежности, которого лишены сироты. Причем это чувство не зависит от конкретных отцовских практик, был ли отец добрым или злым, внимательным или небрежным.

Роли отца и сына принципиально асимметричны и необратимы. Евангелие говорит о «вечном сыновстве» Христа, но эта идея присутствует и в светском сознании. В философской и художественной литературе о сыновстве, как и в воспоминаниях взрослых мужчин, постоянно присутствует тоска по отцовской нежности и одновременно жалобы на недостаток взаимопонимания. Большой частью писатели и мемуаристы объясняют этот эмоциональный дефицит индивидуальными свойствами отца и/или сына, но иногда рефлексия поднимается до осознания имманентной асимметричности отцовско-сыновних отношений: сын может выплатить свой долг отцу только через любовь к своему собственному сыну. Отцовско-сыновние отношения — вечная эстафета поколений, в которой залог любви передается лишь в одном направлении, никогда не возвращаясь обратно.

Старшие и младшие, дочери и сыновья

Если перевести проблему в более прозаические социологические термины, сыновство, подобно отцовству, обозначает некую роль, статус и идентичность. Нормативные определения этих понятий и, тем более,

конкретные сыновние практики многообразны. Реальные отношения между отцом и сыном зависят не только от индивидуальных особенностей того и другого: они включены в контекст взаимоотношений между всеми членами семьи. Древние культуры четко отличают статус и обязанности первенцев, первородных сыновей, наследников от статусов остальных членов семьи. У наследника больше прав, о нем больше заботятся, ему больше позволяют (это типично, например, для арабских семей), но и его ответственность перед семьей выше. В то же время у него выше уровень притязаний, именно старшие сыновья, наследники, чаще всего бунтовали против своих отцов, свергали и убивали их.

Но младшего сына, которому материальное отцовское наследство «не светит», фольклор часто наделяет более высокими умственными способностями и предприимчивостью (классический образ Иванушки-дурачка), а современная генетика обнаруживает за порядком рождения вполне реальные психофизиологические различия. Небезосновательно и мнение, что младший сын часто бывает любимцем родителей и баловнем старших членов семьи.

Однако, учитывая многообразие форм родства и семейной организации, далеко не все эти практики можно считать культурно-универсальными, за внешними сходствами часто скрываются глубокие качественные различия. *А механически переносить опыт старых больших патриархальных семей на современную мало- или однодетную семью, все члены которой, включая ребенка, проводят большую часть времени вне дома, и вовсе наивно.*

Ослабление гендерной поляризации и снижение рождаемости сказываются на *семейном статусе* и характере воспитания мальчиков. То и другое зависит от особенностей традиционной культуры и от структуры и состава семьи. В младенчестве и раннем детстве родители, особенно отцы, склонны воспитывать дочерей и сыновей по-разному, ожидают от них неодинакового поведения и предлагают им разные игрушки, игры и иные занятия, причем гендерно-типичной деятельности родители придают больше значения, чем гендерно-типичным психическим свойствам. Насколько сильно это влияние — достоверно неизвестно. С возрастом ребенка родительское давление в сторону закрепления гендерного своеобразия уменьшается, да и вообще в современном обществе оно значительно слабее, чем было раньше.

Социологически неискушенные педагоги, психологи и журналисты уверены, что ослабление гендерной поляризации, пресловутая «феминизация мальчиков», которая кажется им уходом от генеральной линии развития, — результат ослабления отцовского влияния в семье. На самом деле это закономерный макросоциальный процесс, сдвиги в семейной социализации идут параллельно изменениям в структуре общественного разделения труда и даже с некоторым отставанием от них (Кон 2009).

Конкретные семейные гендерные практики *плюралистичны и многообразны*. Хотя мальчикам и сегодня по традиции предоставляют (или они сами берут) больше свободы и автономии, нежели девочкам, в однополой семье это зачастую незаметно. При отсутствии братьев и сестер, ни гендерная принадлежность, ни возрастной статус ребенка в семье практически не ощущаются и не дают ему сколько-нибудь видимых социальных издержек или привилегий.

Интересный психологический сюжет — гендерные особенности восприятия родителями своего ребенка. При обследовании в начале 1990-х гг. 210 московских 13-15 летних подростков и 137 их родителей, подростковые образы Я оказались довольно гендерно-стереотипными, но не очень жестко. «Среднему мальчику» приписывается уверенность в себе, настойчивость, решительность, заботливость, ответственность и непассивность, тогда как девочка представляется заботливой, ласковой, нежной, ответственной, уверенной и непассивной. Напротив, родители оценивают своего ребенка в значительной степени независимо от его гендерной принадлежности, приписывая ему качества «хорошего ребенка» вообще и наделяя преимущественно «женскими» достоинствами. Родительский образ сына мало отличается от образа дочери: «впечатлительный», «ранимый», «нежный», «ласковый», «неагрессивный» (Арканцева, Дубовская 1999). В более позднем исследовании восприятия отцами и матерями своих сыновей и дочерей выявлены различия, касающиеся как характера фиксируемых поведенческих и волевых черт, так и модальности их оценки. По этим данным, материнские оценки детей по мере взросления последних становятся все более позитивными: папы склонны оценивать подростков положительнее, а старшеклассников критичнее, чем мамы, причем отцовские оценки больше материнских соответствуют представлениям детей о самих себе. Однако исследование не было лонгитюдным, а повышенная реалистичность, адекватность отцовских оценок может быть следствием маленькой и заведомо непредставительной выборки (это были редкие отцы, посещающие родительские собрания).

Вопреки тому, что пишут некоторые педагоги, *единого, универсального стиля семейного воспитания мальчиков, в отличие от девочек, в современном обществе не существует*. Собственный стиль семейной жизни складывается в каждой семье по-своему, в зависимости от индивидуальных особенностей каждого из ее членов, причем этот стиль может меняться на разных стадиях развития семейной ячейки, по мере взросления детей, изменения трудовой занятости родителей и многого другого. Усредненные социологические данные нормативно-директивного значения не имеют. Их главная ценность, которую чаще всего упускают из виду, состоит в том, что они проблематизируют, ставят под сомнение некоторые привычные стереотипы.

Один из наиболее опасных стереотипов — представление, что необходимой предпосылкой успешного воспитания мальчиков является жесткое разделение материнских и отцовских ролей. Многочисленные исследования показывают, что *реальные родительские практики зависят не столько от гендерных стереотипов — что должен делать отец, в отличие от матери, — сколько от индивидуальных черт каждого из родителей*, которые могут с этими стереотипами не совпадать, а в семье фальшивить невозможно. Интимность предполагает искренность.

Не имеют научного обоснования и навязчивые заклинания, что мальчиков и девочек необходимо воспитывать по-разному. Хотя половые и гендерные различия существенны и их нужно учитывать, отличия одного конкретного ребенка от другого, даже если это родные братья или сестры, больше и важнее, чем отличия абстрактного мальчика от абстрактной девочки. Сыновья и дочери, как и их папы и мамы, — разные и требуют к себе не «гендерного», а индивидуального подхода. В школе это почти невозможно, а в семье трудно, но обязательно.

Нагнетание моральной паники по поводу того, что нетрадиционные семьи, в частности, материнские и однополые, якобы не могут обеспечить нормальную социализацию мальчиков, не только противоречит установленным фактам, но и приносит ощутимый вред, внушая целым категориям людей безысходное чувство личностной ущербности и неполноценности. В России среди семейных ячеек с детьми до 18 лет неполные семьи составляют 30 %, 90 % из них — материнские (Корчагина, Прокофьева 2007). Число таких семей во всем мире растет и, несмотря на наличие дополнительных трудностей, в них вырастают вполне нормальные, социально и психологически успешные сыновья и дочери. Профессиональным психологам прекрасно известно, что так называемые маменькины сынки появляются не только в результате гипертрофии материнского влияния и идентификации мальчика с матерью, но и по многим другим причинам, вплоть до генетических. Вместо того, чтобы на все лады расписывать «неадекватность» нетрадиционных форм семьи, распространение которых ни от ученых, ни от общества не зависит, и лить по этому поводу крокодиловы слезы, было бы гуманнее и разумнее подумать, как обеспечить максимальное благополучие живущим и формирующимся в данной среде мальчикам (и девочкам).

Семейные *дисциплинарные практики* имеют и свой гендерный аспект. С ребенком собственного пола папы и мамы чувствуют себя увереннее, помня, что они сами были когда-то такими же, а дети, чувствуя это, понимают, что такого родителя труднее обмануть. Поэтому, в общем и целом, матери успешнее дисциплинируют девочек, а отцы — мальчиков. С этим связана и разная степень снисходительности: матери больше позволяют сыновьям, а отцы — дочерям, мальчику легче послушаться маму,

а девочке — папу. А снисходительность, в свою очередь, благоприятствует развитию взаимной эмоциональной привязанности, чему властные отношения не способствуют.

В отечественной психолого-педагогической литературе стиль семейного воспитания зачастую описывают без учета социально-экономических факторов, последние приводятся (если приводятся) лишь как формальная демографическая характеристика семьи. Между тем, как показано в классических, продолжающихся уже 40 лет, исследованиях Эльфина Кона (Kohn 2006), связь между социальной структурой и личностью проявляется и в детско-родительских отношениях. Исследуя мужчин таких разных стран, как США, Япония, социалистическая Польша и находящаяся в процессе социальной трансформации Украина, Э. Кон и его коллеги нашли, что занятые более сложным по содержанию трудом и обладающие большей автономией в своей трудовой деятельности мужчины отличаются повышенной общей ориентацией на самостоятельность и большей интеллектуальной гибкостью, нежели мужчины, занятые рутинной и постоянно контролируемой начальством работой. Соответствующие установки такие мужчины переносят и в семью, желая видеть своих детей более самостоятельными, склонными независимо принимать решения и более интеллектуально гибкими. Их дети действительно вырабатывают способность к самостоятельности, в противоположность приспособлению к внешней власти, причем это коррелирует с повышенным психическим благополучием, в противоположность расстройству. Наличие такой закономерности в США доказано 10-летним лонгитюдным исследованием группы детей от 3 до 15 лет, а в Японии и Польше — специальным анализом данных об опрошенных в одно время разных слоях населения. Так что речь идет не о гипотезах, а о доказанных фактах, причем эта тенденция существует в странах с разным социально-экономическим строем, и не только западных.

Другую важную тенденцию киевский социолог Валерий Хмелько, впоследствии сотрудничавший с Э. Коном, эмпирически обнаружил, изучая в конце 1970-х гг. разные категории украинских рабочих-мужчин. Супружество и личная жизнь были для них статистически одинаково важны. Но для более высоко (в основном лишь технически) образованных рабочих, занятых содержательно более сложным трудом, поведение их детей было не такой важной и эмоционально значимой стороной жизни, как для менее образованных и занятых более рутинным трудом рабочих. Такое невнимание выглядело как «бегство» этих мужчин от проблем, с которыми они не знали, как справляться, в свою работу, где они знали, как добиваться успеха, а вместе с ним, естественно, и удовольствия от положительных эмоций (Хмелько, личное сообщение, 2008).

Семейное воспитание и телесные наказания.

Материал к размышлению

В недавнем прошлом телесные наказания детей обоего пола, как мы видели, были всеобщими и считались необходимым условием воспитания. Сейчас Совет Европы и ООН добиваются их полного запрещения, считая их не формой воспитательного воздействия, а нарушением прав ребенка и физическим насилием над ним: *«Любое телесное наказание детей является нарушением их основных прав на человеческое достоинство и физическую неприкосновенность. Тот факт, что эти телесные наказания по-прежнему остаются законными в ряде государств, нарушает основополагающее право детей на такую же юридическую защиту, как и у взрослых. В европейских обществах запрещено бить людей, а дети — это люди. Необходимо положить конец общественной и правовой приемлемости телесных наказаний детей».*

Тем не менее, многие родители во всех странах считают телесные наказания законными и неизбежными. По данным массовых опросов, 90 % американских родителей «верят» в порку, даже среди семей среднего класса, которые значительно либеральнее рабочих и фермерских семей, в нее «не верят» лишь 17 %. Не меньше распространены и соответствующие практики, хотя есть трудности с их определением. Что мы знаем об этом феномене?

Доказано, что степень распространенности и жестокости телесных наказаний коррелирует с общим индексом «мачизма», распространенностью культуры насилия, включая полицейский произвол, а также степенью политического авторитаризма и консерватизма. Самые горячие поклонники телесных наказаний в США — христианские фундаменталисты и ультраправые. Некоторые православные фундаменталисты рекомендуют родителям пороть своих детей как можно чаще и сильнее, причем «девочек можно наказывать и чаще, и сильнее», чем мальчиков, «не боясь переборщить». Особенно полезны заведомо несправедливые наказания: *«Наказание, которое кажется ребенку справедливым, вредно для ребенка, так как укрепляет его в гордыне»* (Соловьев, Шишимаров 1996: 200–201).

О том, кого наказывают чаще — мальчиков или девочек — данные расходятся (Gershoff 2002). Одни исследователи утверждают, что мальчиков физически всегда наказывали и наказывают чаще, чем девочек, потому что они совершают более серьезные проступки и тем самым провоцируют применение силы по отношению к себе, или потому, что родители считают нужным «закалять» их. Другие исследования, в том числе метаанализы, этого не подтверждают, утверждая, что мальчики и девочки подвергаются телесным наказаниям одинаково часто и это больше зависит от установок культуры. Однако похоже на то, что при прочих равных условиях мальчиков наказывают суровее и больше.

По большинству источников, матери физически наказывают детей чаще, чем отцы. Это может быть обусловлено тем, что они проводят с детьми, особенно маленькими, больше времени и несут за них непосредственную ответственность. Впрочем, другие исследования такой разницы не находят. Многое зависит от пола и возраста ребенка. С мальчиком-подростком матери зачастую физически не справиться, поэтому «серьезная» порка составляет, как и в прошлом, прерогативу отца.

Самый важный вывод сравнительных исследований — выяснение того, что **«воспитательный» эффект телесных наказаний на детей, особенно на мальчиков, является мнимым и чаще отрицательным** (Bugental, Grusec 2006). Согласно одному метаанализу, обобщившему 88 исследований, выполненных в течение 62 лет (Gershoff 2002), физическое наказание может давать желаемый краткосрочный педагогический эффект, но его долгосрочные последствия большей частью отрицательны, провоцируя у ребенка неприязнь и агрессию. Другой метаанализ (70 исследований, опубликованных между 1961 и 2000 гг., с общим числом испытуемых 47 751 человек) показал, что телесные наказания не оказывают влияния на когнитивные способности и учебную успеваемость ребенка, но вредно влияют на его эмоциональное состояние и провоцируют негативное поведение (Oddone-Paolucci, Violato 2004). Суровые телесные наказания в детстве коррелируют у взрослых людей с жестоким обращением с животными или с проявлениями насилия в партнерских отношениях, но направление причинной связи неизвестно.

Кембриджское лонгитюдное исследование развития делинквентности, объектами которого были 411 лондонских мальчиков, показало, что суровые дисциплинарные практики в 8-летнем возрасте — важный предиктор раннего начала противоправного поведения, причем особенно сильно влияет отцовская жестокость. Впрочем, отрицательно влияет не столько само по себе наказание, сколько его сочетание с отсутствием эмоционального тепла и родительской заботы. При их наличии порка может не испортить отношений мальчика с родителями, воспринимаясь как проявление заботы (Farrington 2000).

Разумеется, наказания, как и реакции на них, бывают разными. Психологи, возражающие против тотального запрета телесных наказаний, указывают, что нельзя ставить знак равенства между поркой и шлепком открытой ладонью, который не наносит ущерба здоровью ребенка и который сами дети признают законным (Baumrind et al. 2002).

Очень важен и культурный контекст: насколько приемлемыми считаются в данной среде телесные наказания? Ненормативные телесные наказания, с которыми ребенок не согласен, как правило, вызывают у него протест и агрессию, если же они считаются допустимыми, отрицательных долгосрочных последствий не возникает. Видимо, за долгосрочные последствия физического наказания ответственно не оно само,

а то, как ребенок его интерпретирует, какой урок он из него извлекает. Например, в семьях белых американцев жесткая дисциплина не принята, поэтому ребенок воспринимает телесные наказания как проявление нелюбви к нему родителей. Напротив, в афроамериканских семьях телесные наказания считаются знаком хорошего родительства, поэтому они не оскорбляют ребенка и не вызывает у него чувства отверженности (Lansford et al. 2005).

Независимо от степени серьезности долгосрочных психических последствий телесных наказаний, общественное сознание XXI в. считает их морально недопустимыми. Соответствующая эволюция происходит и в России. В царской России палочная дисциплина, как мы видели, считалось нормальной. Советская власть телесные наказания запретила, но контролировать семейные практики государство не могло, а общественное мнение относилось к семейному насилию снисходительно.

Институт отцовства — типичное звено вертикали власти, но в современном мире эта модель плохо работает. Не имея реальной власти над сыном, отец будет гораздо более успешным его воспитателем, если сумеет стать не начальником, а собеседником. Конечно, социально успешный отец, стоящий на красивом пьедестале, импонирует мальчишескому воображению, — если такого отца нет, мальчик может его даже придумать. Известно множество случаев, когда мальчик, лишенный отца, «сочинял» его и заставлял своих друзей завидовать этому героическому образу. Но не меньше примеров того, как гипертрофированно-жесткое властное отцовское начало подавляет и отравляет существование мальчика. Никто не описал этого ярче, чем Франц Кафка в своем знаменитом «Письме отцу».

Франц Кафка. Письмо отцу

«Ты недавно спросил меня, почему я говорю, что боюсь Тебя. Как обычно, я ничего не смог Тебе ответить, отчасти именно из страха перед Тобой, отчасти потому, что для объяснения этого страха требуется слишком много подробностей, которые трудно было бы привести в разговоре. И если я сейчас пытаюсь ответить Тебе письменно, то ответ все равно будет очень неполным, потому что и теперь, когда я пишу, мне мешает страх перед Тобой и его последствия и потому что материал намного превосходит возможности моей памяти и моего рассудка <....>

...Именно как отец Ты был слишком сильным для меня, в особенности потому, что мои братья умерли маленькими, сестры родились намного позже меня, и потому мне пришлось выдержать первый натиск одному, а для этого я был слишком слабым <....>.

Я был робким ребенком, тем не менее, я, конечно, был и упрямым, как всякий ребенок; конечно, мать меня баловала, но я не могу поверить, что был особенно неподатливым, не могу поверить, что приветливым словом, ласковым

прикосновением, добрым взглядом нельзя было бы добиться от меня всего что угодно. По сути своей Ты добрый и мягкий человек (последующее этому не противоречит, я ведь говорю лишь о форме, в какой Ты воздействовал на ребенка), но не каждый ребенок способен терпеливо и безбоязненно доискиваться скрытой доброты. Ты воспитываешь ребенка только в соответствии со своим собственным характером — силой, криком, вспыльчивостью, а в данном случае все это представлялось Тебе еще и потому как нельзя более подходящим, что Ты стремился воспитать во мне сильного и смелого юношу. <...>

Меня подавляла сама Твоя телесность. Я вспоминаю, например, как мы иногда раздевались в одной кабине. Я — худой, слабый, узкогрудый, Ты — сильный, большой, широкоплечий. Уже в кабине я казался себе жалким, причем не только в сравнении с Тобой, но в сравнении со всем миром, ибо Ты был для меня мерой всех вещей. Когда же мы выходили из кабины к людям, я, держась за Твою руку, маленький скелет, неуверенный, стоял босиком на досках, боясь воды, неспособный перенять Твои приемы плавания, которые Ты с добрым намерением, но в действительности к моему глубокому посрамлению все время показывал мне, — тогда я впадал в полное отчаяние и весь мой горький опыт великолепно подтверждался этими минутами. <...>

Все мои мысли находились под Твоим тяжелым гнетом, в том числе и мысли, не совпадающие с Твоими, и в первую очередь именно они. Над всеми этими мнимо независимыми от Тебя мыслями с самого начала тяготело Твое неодобрение; выдержать его до полного и последовательного осуществления замысла было почти невозможно. Я говорю здесь не о каких-то высоких мыслях, а о любой маленькой детской затее. Стоило только увлечься каким-нибудь делом, загореться им, прийти домой и сказать о нем — и ответом были иронический вздох, покачивание головой, постукивание пальцами по столу: «А лучше ты ничего не мог придумать?», «Мне бы твои заботы», «Не до того мне», «Ломаного гроша не стоит», «Тоже мне событие!» <...>

Это касалось как мыслей, так и людей. Достаточно было мне проявить хоть сколько-нибудь интереса к человеку — а из-за моего характера это случалось не очень часто, — как Ты, нисколько не щадя моих чувств и не уважая моих суждений, тотчас вмешивался и начинал поносить, чернить, унижать этого человека... Ты не имел представления о своей власти надо мной... Я был перед Тобой беззащитен... <...>

Невозможность спокойного общения имела еще и другое, в сущности, совершенно естественное последствие: я разучился разговаривать. Я бы, конечно, и без того не стал великим оратором, однако обычным беглым человеческим разговором я все же овладел бы. Но ты очень рано запретил мне слово. Твоя угроза: «Не возражать!» — и поднятая при этом рука сопровождают меня с незапамятных времен. <...>

Особенно Ты полагался на воспитание иронией, она и соответствовала больше всего Твоему превосходству надо мною. Наставление носило у Тебя обычно такую форму: «Иначе ты, конечно, не можешь это сделать? Тебе это,

конечно, не под силу? На это у тебя, конечно, нет времени?» — и тому подобное. Причем каждый такой вопрос сопровождался злой усмешкой на злом лице <...>

Моя самооценка больше зависела от Тебя, чем от чего бы то ни было другого, например, от внешнего успеха. Последний мог подбодрить меня на миг, не более. Ты же всегда перетягивал чашу весов. Никогда, казалось, мне не закончить первый класс народной школы, однако это удалось, я даже получил награду; но вступительные экзамены в гимназию мне, конечно, не выдержать, однако и это удалось; ну, уж теперь я непременно провалюсь в первом классе гимназии — однако нет, я не провалился, и дальше все удавалось и удавалось. Но это не порождало уверенности, напротив, я всегда был убежден — и недозвольное выражение Твоего лица служило мне прямым подтверждением, — что чем больше мне удастся сейчас, тем хуже все кончится <...>.

(Кафка 1988: 197, 198–199, 200, 201–202, 203, 203–204, 208, 230–231)

Конечно, не все здесь однозначно. Авторитарный по характеру мужчина не может не подавлять сына, это не вина его, а беда. Слабый сын нужен ему для самоутверждения, а сильный от него рано или поздно уйдет. Итог такого конфликта тоже неоднозначен. Может быть, именно отцовская тирания помогла Кафке осознать себя и стать тем уникальным писателем, которого мы ценим? Но мы говорим не об истоках таланта, а о стиле воспитания.

Далеко не все мужчины грубы и авторитарны. Мужская духовная и нравственная сила нередко проявляется как раз в повышенной совестливости и рефлексивности. Со стороны это выглядит слабостью, чтобы рассказать о ней сыну, нужно мужество. Но если это делается в нужное время и в нужной форме, мальчик вполне в состоянии оценить оказанное ему доверие.

Формула «Мальчик — отец мужчины» значит, что свойства взрослого мужчины производны от свойств мальчика. Столь же циничные, сколь и наивные, отцы (и примкнувшие к ним матери) нашего отечества воображают, что парадом социализации детей командуют они, нужно лишь погромче хором произносить «правильные» заклинания, даром что на их неэффективность во все времена дружно жаловались наши (и не наши) славные (и не очень) предки. Но мальчики (и девочки) всегда переигрывают своих наставников и благодаря этому мир меняется. Если бы все мальчики были похожи на своих отцов, люди до сих пор сидели бы в каменной пещере и даже речи, чтобы жаловаться на непутевую молодежь, — любимая тема советов старейшин всех времен и народов! — у них бы не было.

В основе процесса социализации лежит власть, которой у мальчика по определению нет. Он выстраивает свою маскулинность по заданным ему, часто очень жестким, образцам. Тем не менее, используя зазоры

и расхождения в системе социализации, мальчик вносит — не может не вносить! — в эти нормативы свои поправки. И от того, какими они будут, во многом зависит не только его собственное будущее, но и будущее его воспитателей.

Чему нужно учить детей — знают господа начальники, а *как* это делать — знают профессора педагогики, хотя некоторые ее классики, вроде Януша Корчака, в этом сомневались. Социологи, исходя из состояния мира, в котором современным мальчикам предстоит жить, лучше знают, как мальчиков воспитывать *не следует*. Поэтому я осмеливаюсь предложить родителям несколько вредных советов.

Как не надо воспитывать мальчиков и сыновей

1. Не делайте из мальчика «настоящего мужчину». Все настоящие мужчины разные, поддельные мужчины — только те, которые притворяются «настоящими». Андрей Дмитриевич Сахаров так же мало похож на Арнольда Шварценеггера, как Кармен на мать-героиню. Помогите своему мальчику выбрать тот вариант маскулинности, который ему ближе и в котором он окажется успешнее, чтобы он мог принимать себя таким, каков он есть, и не жалеть об упущенных, чаще всего лишь воображаемых, возможностях.

2. Не воспитывайте из него воина и защитника отечества. В Писании не сказано, что Господь предназначил Адама быть убийцей созданных Им живых существ. Исторические судьбы современного мира, частью которого является Россия, решаются не на полях сражений, а в сфере научно-технических и культурных достижений. Если ваш мальчик вырастет достойным человеком и гражданином, умеющим отстаивать свои права и выполнять связанные с ними обязанности, он справится и с защитой отечества. Если же он привыкнет видеть кругом врагов и решать все споры с позиции силы, ничего, кроме неприятностей, ему в жизни не светит.

3. Не воспитывайте его охотником, эта профессия давно уже вышла из моды. Чуть не половина видов животных занесена в Красную книгу, а охотники на людей рано или поздно оказываются на скамье подсудимых Гаагского трибунала. Пусть он лучше будет экологом, защитником природы и всех тех, кто нуждается в помощи.

4. Не учите его отличаться от женщин. Во-первых, он и так от них отличается. Во-вторых, «не быть девчонкой» его обязательно и жестко, даже вопреки вашей воле, научат сверстники. Зачем вам петь в этом громком, но безголосом хоре? Родители уникальны и должны быть солистами.

5. Не учите мальчика, по примеру благородных рыцарей и гнусных насильников, относиться к женщине с позиции силы. Быть рыцарем красиво, но если ваш мальчик окажется в отношениях с женщиной не

ведущим, а ведомым, или столкнется с недобросовестной конкуренцией с ее стороны, это станет для него травмой. Разумнее видеть в «женщине вообще» равноправного партнера и потенциального друга, а отношения с конкретными девочками и женщинами выстраивать индивидуально, в зависимости от их и твоих ролей и желаний.

6. Не пытайтесь формировать сына по собственному образу и подобию. Это не удалось даже Господу Богу, любимое творение которого часто выглядит злой карикатурой на Его замысел. Для родителя, не страдающего манией величия, гораздо более важная задача — помочь мальчику стать самим собой.

7. Не заставляйте мальчика реализовать ваши несбывшиеся мечты и иллюзии. Вы не знаете, какие черти сторожат тропинку, с которой вы когда-то свернули, и существует ли она вообще. Единственное, что в вашей власти, — помочь мальчику выбрать оптимальный для него вариант развития, но право выбора принадлежит ему.

8. Не пытайтесь изображать из себя строгого отца или ласковую мать, если эти черты вам не свойственны. Во-первых, обмануть ребенка невозможно. Во-вторых, на него влияет не абстрактная «полоролевая модель», а индивидуальные свойства родителя, его нравственный пример и то, как он к сыну относится.

9. Не верьте психологам, утверждающим, что в неполных семьях вырастают неполноценные мальчики. Это утверждение фактически неверно, но действует как самореализующийся прогноз. «Неполные семьи» — не те, в которых нет отца или матери, а те, где недостает родительской любви. Материнская семья имеет свои дополнительные проблемы и трудности, но она лучше, чем семья с отцом-алкоголиком или где родители живут как кошка с собакой.

10. Не пытайтесь заменить сыну общество сверстников, избегайте конфронтации с мальчишеской средой, даже если она вам не нравится. Единственное, что вы можете и должны сделать, — это смягчить связанные с нею неизбежные травмы и трудности. Против «плохих товарищей» лучше всего помогает доверительная атмосфера в семье. А стопроцентную гарантию от всех неприятностей, если верить старой рекламе, дает только страховой полис.

11. Не злоупотребляйте запретами и, по возможности, избегайте противоборства с мальчиком. Если на вашей стороне сила, то на его стороне — время. Краткосрочный выигрыш может легко обернуться долгосрочным поражением. А если вы сломаете его волю, в проигрыше окажутся обе стороны.

12. Никогда не применяйте телесных наказаний. Тот, кто бьет ребенка, демонстрирует не силу, а слабость. Иллюзорный педагогический эффект полностью перекрывается долгосрочным отчуждением и неприязнью.

13. Не пытайтесь навязать сыну определенный род занятий и профессию. К тому времени, когда он будет делать свой ответственный выбор, ваши предпочтения могут морально и социально устареть. Единственный путь — с раннего детства обогащать интересы ребенка, чтобы у него был возможно более широкий выбор вариантов и возможностей.

14. Не слишком уповайте на опыт предков. Мы плохо знаем реальную историю повседневности, нормативные предписания и педагогические практики друг с другом никогда и нигде не совпадали. Кроме того, сильно изменились условия жизни, а некоторые методы воспитания, которые раньше считались полезными (та же порка), сегодня неприемлемы и неэффективны.

Если у вас не мальчик, а девочка, вы без особого труда сможете перефразировать эти простые правила применительно к ней.

Заключение.

Гегемонная маскулинность, сексуальность и отцовство

Россия занимает одно из последних мест в мире по состоянию мужского здоровья. Не прислушавшись 40 лет назад к предостережениям Б.Ц. Урланиса, страна стала чемпионкой мира по избыточной мужской сверхсмертности. Одна из необходимых предпосылок улучшения положения — последовательное проведение принципа гендерного равенства и профилактика социальных и психологических издержек гегемонной маскулинности. Вместо этого традиционализм предлагает придерживаться жесткой поляризации мужского и женского (мужчина — воин, женщина — хранительница семейного очага), что заведомо противоречит глобальным тенденциям общественного разделения труда и усугубляет мужские психологические трудности. Сведение «мужской» проблематики к лечению локализованных ниже пояса мужских болезней, как это делают урологи-андрологи (такова их специальность), ничего не спасет и не улучшит. Исходя из общих закономерностей полового диморфизма и специфических особенностей российской маскулинности, я склонен думать, что мужские потери окажутся при этом максимальными.

В условиях ускоренного полового созревания и снижения возраста сексуального дебюта самой многочисленной группой всех и всяческих рисков становятся подростки, поэтому одна из глобальных задач XXI в. — своевременное и адекватное сексуальное образование. В России оно полностью заблокировано церковниками. Предлагаемая РПЦ и официально принятая московскими властями идея полного полового воздержания до брака, как показывает опыт США, где на подобные программы потратили миллиарды долларов, является откровенно утопической, сексуальное невежество многократно увеличивает всевозможные риски и неприятности, как до, так и после вступления в брак.

Так как эта политика идет вразрез с интересами молодежи, она способствует также росту лицемерия, расхождению слова и дела и углублению конфликта между поколениями*.

Фундаментальные вопросы, которые на Западе давно уже обсуждаются в контексте *прав человека*, в России рассматриваются под углом зрения и в терминах обеспечения *национальной (читай — государственной) безопасности*. Этот командно-административный, бюрократический подход делает любой официальный российский дискурс охранительно-репрессивным и одновременно утопическим, потому что в своей повседневной жизни россияне, как и все нормальные люди, любят, совокупляются и рожают (или не рожают) детей не по политическим, а по личным мотивам, на которые ни административные меры, ни патриотическая риторика не влияют.

Хотя российские власти, когда им это выгодно, говорят, что следуют европейским образцам, именно в отношении к сексуальной культуре конфронтация «России» и «Запада» проявляется наиболее рельефно. На самом деле «Запад» и «Россия» — очень условные, зачастую неправомерные абстракции. Запад открыто плюралистичен, там по всем вопросам идет полемика, один и тот же стиль жизни хорош для одних и совершенно неприемлем для других. Современная Россия также социально и культурно неоднородна. Несмотря на воинствующий антиамериканизм, в вопросах сексуальной культуры путинская Россия представляет собой заповедник дремучего бушизма, на положительный (а фактически провальный) опыт которого депутаты Госдумы ссылаются чаще, чем на Библию.

Хотя власть и ее институты присвоили себе право говорить от имени всего общества, каким бы громким и властным ни был их голос, именно в сфере личной жизни традиционализм и авторитаризм, как некогда — коммунистическая диктатура, терпят самое сокрушительное банкротство. Людей можно заставить голосовать как угодно, одобрять что угодно, но жить они будут так, как им нравится. В этих вопросах люди голосуют не только руками и ногами, но и более чувствительными частями тела.

Характерная черта современной российской сексуальной культуры — огромный и все увеличивающийся разрыв между официально прокламируемой системой религиозно-нравственных ценностей и реальным повседневным поведением молодых людей. Ни «отменить»

* Яркий пример — громкий скандал, спровоцированный телесериалом «Школа». Я отреагировал на него в виде юморески: «В запасниках Венского музея обнаружена неизвестная картина Брейгеля “Слепцы разбивают оскорбившее их кривое зеркало”». Если родители и учителя будут смотреть благонамеренное государственное телевидение, а подростки — оттягиваться и общаться друг с другом в сети, публичных конфликтов между ними будет меньше. Но станет их мир безопаснее?

сформировавшиеся в последние десятилетия сексуальные сценарии, ни подчинить их традиционным ценностям власть не может. Что бы ни говорили традиционалисты, день святого Валентина молодежи ближе, чем культ Петра и Февронии, и никто в наши дни не собирается откладывать приобретение сексуального опыта до вступления в брак. Как я и предсказывал в 1994 г., сексуальная контрреволюция разворачивается не в реальной повседневности, а только в сфере официального, зачастую откровенно демонстративного, предназначенного для внешнего употребления, дискурса.

Симбиоз технологических инноваций, коррумпированной авторитарной власти и устремленной в воображаемое прошлое клерикальной идеологии — это лебедь, рак и щука. Определить, с какой скоростью и в каком направлении полетит, поползет и поплывет эта упряжка, наука не в состоянии.

Традиционализм не может ни отменить социальных последствий сексуальной, гендерной и семейной революции XX в., ни изменить вектор развития сексуального поведения молодых россиян. Однако он мешает стране сделать вытекающие отсюда социально-нравственные выводы и тем самым многократно усиливает связанные с этими процессами эпидемиологические и социально-психологические издержки. Как и все прочие ценности, сексуальная культура требует заботы и внимания. При плохой экологии и длительном неправильном обращении березка засыхает, а клубничка становится ядовитой.

За сексологическими издержками стоят макросоциальные процессы. Антисексуальный крестовый поход — всего лишь один из аспектов неотрадиционализма, включающего в себя «1) идею «возрождения» России (тоска по империи, старческие сожаления и сетования, мечтания о прежней роли супердержавы в мире); 2) антизападничество и изоляционизм, а соответственно — ревитализацию образа врага как функциональную составляющую собственных позитивных значений «русского»; 3) упрощение и консервацию сниженных представлений о человеке и социальной действительности» (Гудков 2004: 662).

Подобно привычке к авторитарным методам управления и двоемыслию, эти черты коренятся в глубинах русской истории. В 2010 г. слова Даниэля Ранкур-Лаферьера (Ранкур-Лаферьер 1996) о «рабской душе России» звучат гораздо убедительнее, чем в середине 1990-х. Тем не менее, я по-прежнему не склонен выводить это ни из тугого пленения младенцев, ни из каких-то специфически русских сексуальных комплексов, ни из особых генов. Думаю, что за ним стоят в первую очередь традиции крепостного права и связанного с ним недостаточного развития индивидуальности. Недаром некоторые характерные для россиян сексуальные страхи и фобии разделяют другие народы Восточной Европы, связанные с Россией общностью исторической судьбы.

Литература

Арканцева Т.А., Дубовская Е.М. Полорольевые представления современных подростков как действенный фактор их самооценки // Мир психологии. 1999. № 3. С. 147–154

Гудков Л.Д. Негативная идентичность: статьи 1997–2002. М.: НЛЮ, 2004.

Кафка Ф. Из дневников. Письмо отцу. М.: Известия, 1988.

Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009.

Корчагина И.И., Прокофьева Л.М. Население России: о роли общества и семьи в поддержке детей и престарелых // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Вып. 1. М.: НИСП, 2007. С. 313–344.

Ранкур-Лаферьер Д. Психика Сталина / Пер. с англ. М.: Прогресс-Академия, 1996.

Соловьев О., Шишимаров Е. Православный брак и страсть блуда. М.: ИПА «ТриЛ», 1996.

Baumrind D., Larzelere R.E., Cowan P.A. Ordinary physical punishment: Is it harmful? Comment on Gershoff (2002) // Psychological Bulletin. 2002. Vol. 128. No 4. Pp. 580–589.

Bugental D.B., Grusec J.E. Socialization Processes // Handbook of child psychology. Vol. 3. Social, emotional, and personality development / Ed. N. Eisenberg. New York: Wiley, 2006.

Gershoff E.T. Corporal punishment by parents and associated child behaviors and experiences: A meta-analytic and theoretical review // Psychological Bulletin. 2002. Vol. 128. No. 4. Pp. 539–579.

Farrington D.P. Psychosocial predictors of adult antisocial personality and adult convictions // Behavioral Sciences and the Law. 2000. Vol. 18. Issue 5. Pp. 605–622.

Kohn A. Unconditional Parenting: Moving From Rewards and Punishments to Love and Reason. New York: Atria Books, 2006.

Lansford J.E., Chang L., Dodge K.A. et al. Physical Discipline and Children's Adjustment: Cultural Normativeness as a Moderator // Child Development. 2005. Vol. 76. Issue 6. Pp. 1234–1246.

Oddone-Paolucci E., Violato C. A meta-analysis of the published research on the affective, cognitive, and behavioural short and long-term effects of corporal punishment // Journal of Psychology. 2004. Vol. 138. Issue 3. Pp. 197–222.